

ЛЕГЕНДЫ-БЫЛИЧКИ КАК ЖАНРОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ФОЛЬКЛОРНОЙ ЛЕГЕНДЫ

Ю.М. Шеваренкова

Легенда — один из самых многообразных и емких жанров современного устного народного творчества, смысловыми константами которого были и остаются темы взаимоотношения человека и высших сил, физического и этического устройства мира, тема греха и праведности, идея кары за нравственные проступки и награды за добро. Но при идейной целостности легенды ее нарративное целое в генетическом, функциональном, тематическом отношении неоднородно. Это и позволяет выделить в легенде три жанровые разновидности, учитывающие все многообразие ее традиционного сюжетно-тематического состава и форм ее бытования.

Категории, по которым народные легенды разделяются по трем разновидностям, можно представить следующим образом: тематика и проблематика легенд; смысловые связи персонажей легенд друг с другом; позиция рассказчика по отношению к событийному миру легенды, его отстраненность или вовлеченность в него¹; художественное пространство и время легенд; форма бытования текста (устоявшееся сюжетное повествование, меморат); связь устной легенды с письменными памятниками христианства (житиями святых, Библией, апокрифами). Что же касается стилистических особенностей легенд, то мы отталкиваемся от тезиса о малой выраженности в народной несказочной прозе эстетической установки (выражающейся в традиционной для песенного, сказочного, игрового фольклора речевой стереотипии, формульности, наличии так называемых «общих мест», занимательности), отсутствии неразрывной «связи между формой и содержанием в том смысле, что художественные формы здесь неустойчивы и необязательны»² и соответственно о преобладании информативности, разговорной, а не художественной речи³, установки на достоверность.

Выделенные категории и художественные особенности легенд выявляют близость разных групп легенд к двум другим жанрам устной народной прозы — быличке и преданию, но эта общность имеет не мировоззренческий характер (если согласиться с мнением о выраженности в народной прозе особого мировоззрения⁴), а содержательно-формальный. Так выделяются:

I. Традиционные (классические) народные христианские легенды, к которым относятся нарративы о происхождении и судьбах мира и человечества.

II. «Легенды-былички» о разного рода мистических и религиозных странностях и чудесах из жизни рассказчика и его окружения.

III. «Легенды-предания» о религиозной жизни местного социума, прихода.

Жанровые разновидности представляют собой равноправные группы внутри жанра и рассматриваются именно как *жанровые разновидности*, а не как единичные примеры межжанрового взаимодействия благодаря заложенной в них «религиозной и ценностной модели мира»⁵, иррациональному взгляду на мир.

В данной работе речь пойдет о легендах-быличках.

В произведениях этой жанровой разновидности ярко выражено личностное, ситуативно-жизненное начало и «композиционные принципы новеллы. Ее смысловой центр — само событие, перипетии фабулы (фактические или психологические)»⁶. Основой для выделения «легенд-быличек», как и жанра былички, является

сюжетная ситуация встречи *реального* человека с таинственной силой. Разница заключается в том, что быличка апеллирует к демонологическим персонажам (домовой, леший и пр.), а легенды-былички — к так называемой «высшей демонологии», то есть Богу, Богородице, святым, ангелам. И если мифологические персонажи населяют такие отрицательно маркированные, пограничные пространства, как водоем, лес, двор и др., то эти же локусы в легенде не наделены изначально негативной семантикой, нейтральны и являются всего лишь частным обозначением жизненного индивидуального пространства героя или человека вообще. Кроме того, семантика легенды-былички, как и легенды в целом, «определяется архетипической моделью культуры «вручение себя во власть»⁷, в то время как быличка характеризуется моделью «договора» нечистой силы и человека.

В легендах-быличках отсутствует морализм и притчевость классических легенд, встреча со святой силой отнесена не в неопределенное прошлое истории человечества, а в недавнее прошлое человека-рассказчика как реальный факт его биографии. И если художественный мир классических легенд «герметизирован»⁸, замкнут в себе, то в легендах-быличках мир людей и мир священных небожителей «взаимопроницаемы», открыты для диалога друг с другом.

Ситуации и условия встречи и диалога человека со святой силой позволяют все разнообразие этих текстов свести к двум разновидностям.

К первому разделу относятся нарративы, сюжет которых отражает течение *обычной* жизни героя-повествователя. Встреча с чудом происходит в обычных для него условиях жизни и хозяйственной деятельности. Сюда относятся рассказы о неожиданной встрече человека с чудесной силой; рассказы о вызволении святым попавшего в беду человека; истории о наказании святыми, Богом, Богородицей людей за неуважение к себе и к церковным праздникам.

Во втором разделе — нарративы, события которых есть следствие особого, даже *экстраординарного психофизического* состояния героя, когда возможен его «выход» за пределы обычного мира и контакт с «тем» миром. Такими состояниями являются обычный сон, сон больного человека и летаргический сон-смерть. Здесь оказываются так называемые «видения» («явления») — рассказы о контакте человека (чаще всего самого рассказчика) с представителями «религиозного пантеона» — и «обмирания» — занимательно-поучительные рассказы о посещении человеком в состоянии летаргического сна ада и(или) рая.

Отличительной особенностью образа святого, Богородицы, Христа в легендах-быличках является их принципиально неисторический, нецерковный и недидактический характер. Священные герои и человек не разделены пространственно-временными границами — святые и ангелы спускаются с небес и проникают в жизненное пространство простых людей, становясь зачастую проводниками высшей воли. Однако характер взаимоотношений человека с чудесной силой, степень ее «открытости» человеку различны.

В **рассказах о неожиданной встрече** со святой силой эта встреча происходит в привычных для человека условиях. Она мгновенна, случайна и вызывает в нем недоумение, испуг.

...подходит к ним старичок в лаптях, в белых портянках, с бородкой и котомкой на подошке. Подошел и спрашивает: «Дети, вы Богу молитесь?». Дети испугались..., а старичок пропал. Приехали они ...и говорят, что мы, мол, колдуна видели. А мать дяди Славы, очень набожная женщина, сказала, что они видели Ни-колая Угодника...»⁹.

Встреча с чудом почти всегда проходит без каких-либо внешних последствий для человека: естественный ход жизни остается ненарушенным, хотя созерцание героем святой силы может служить знаком его близкой смерти или быть толчком к духовному переосмыслению собственной жизни.

Сюжет о встрече с чудесной силой может развиваться и иначе. В **легендах-быличках о помощи святой силы человеку** столкновение действующих лиц также неожиданно для человека, но уже предопределено со стороны высших сил: оно объясняется трудным положением героя, не справляющегося с бедой или не подозревающего о грозящей ему опасности, или своего рода ответной услугой за веру и молитвы. Человек в таких легендах предстает пассивным, не способным справиться с критической ситуацией. Именно поэтому святой, не передавая герою ни своей физической, ни интеллектуальной силы и знаний, выступает исключительно в роли неожиданного добровольного и бескорыстного помощника.

... однажды один мужик зашел ночевать в избу, а в ней жили разбойники... и хотели его убить. Мужик и просит их: «Дайте только малость помолиться перед смертью»...и начал молиться Николаю Угоднику... Вдруг стучит в окно седенький старичок. «Иван, — говорит он мужику, — собирайся скорей, обозы ждут»... Пристал Иван к обозу и пошел дальше. А старичок скрылся, был это Николай Угодник¹⁰.

Сверхъестественная сила является герою не узнаваемой, но позже герой легенды по иконе или со слов людей догадывается, кто это был.

...идет старичок в такой рубахе холщовой, с бородкой, в новых лапоточках... «Дедушко, не хочешь, ягодок я тебе дам?»... Он низко поклонился. Я пошла и ...оглянулась — и никакого старика нет... А потом пошла... в церковь. И зашла, а там икона стоит. И этот старичок... на этой иконе и стоит: таки лапотки, така бородка. Тетка Катя спросила у одной монашени, как этому святому названье. А монашени говорит: «Это святой отец Макарий»¹¹.

Сюжетная основа «легенд-видений» — сон больного, в котором святой дает ему наставление, как вылечиться, указывает способ излечения, диагностирует болезнь. Общение со святой силой становится событием не внешней, а внутренней жизни человека. В этих легендах налицо посредническая функция чудесной силы: наделенная знанием, она передает нужную информацию человеку: выполняя наказ, герой выздоравливает. Момент случайности в «отношениях» героев уже уходит из повествования.

У соседки моей случился приступ. Она пролежала на полу три дня. Когда она упала, ей привиделся Серафим Саровский в белом балахончике и сказал ей: «Пей чай со сниткой и будешь здоровой». С тех пор она пьет этот чай и живет здоровая до сих пор. А снитка — это трава, которой Серафим питался, когда тысячу дней на камне стоял¹².

Часто встреча с чудом подкреплена и некоторыми внешними обстоятельствами: распространенным в данном крае культом святого, близостью к крупным религиозным центрам официального и неофициального статуса (монастырям, святым озерам, родникам и др.). Сюжет «видений» тогда составляет раскрытие визионеру некоей «внеположенной», не касающейся лично его информации о местоположении и состоянии неких священных объектов (иконы, святого родника), скрытых до сего времени от людских глаз. Героями таких легенд часто становятся люди физически и умственно ущербные, окружающими воспринимаемые как странные, но для святой силы оказывающиеся достойными и угодными.

[Неонила — Ю.Ш.] в детстве была ...глупа... И ей во сне привиделось, что в каком-то храме Иверская Божья Матерь явилась. Она матери говорит: «Сходи, вот на чердаке церкви явилась Иверская Божья Матерь». Она и говорит: «Я вдова, ты глупа, кто нас будет слушать?»... Другой раз она не пошла. Ей третий раз... Сходили за ней, она ее взяла и унесла¹³.

В подобного рода рассказах уже не перевешивает субъективное начало: личное и коллективное переплетено. Случай, имевший место в жизни одного человека, становится достоянием истории местного края (деревни, церковного прихода и т. п.).

В **рассказах об обмираниях**¹⁴ отправным моментом развития сюжета становится летаргический сон, позволяющий человеку открыть особые тайны мироздания — устройство ада и рая. Глобализм, универсальность и морализм этой темы приближают обмирания к традиционным легендам, но форма повествования (о вполне конкретных людях, от первого лица) позволяет их рассматривать как легенды-былички. Само обмирание в рассказе дано как явление биографии или автобиографии человека, но смысл истории опять же выходит за рамки только индивидуального его содержания: побывавший на том свете видит себя, близких, а также вообще грешников, наказанных за разные проступки. Святая сила (в легендах-обмираниях — это образ проводника по тому свету) практически не наставляет человека словесно, но страшными картинами ада как бы выводит на путь истинный.

Иной тип взаимоотношений человека и чудесной силы — в дидактических **рассказах о нарушении человеком религиозно-догматического предписания**.

...Так в этот Богородицын день нельзя работать — грех. Однажды муж и жена стали сушить сено в этот праздник. Неожиданно поднялся сильный ветер и разбросал все сено... Значит, Богородица Казанская сердится¹⁵....

Богородица и ее праздник выступают здесь по отношению к человеку в своей церковной функции — как пастыри, следящие за праведными и неправедными делами людей. Реально они не участвуют в развитии конфликта, не «персонифицированы» и не явлены, но обнаруживают себя и свое всеведение в человеческих болезнях или бедах, настигающих героя.

В целом среди легенд-быличек преобладает форма мемората (воспоминания из собственной жизни), в фольклоре являющаяся почти исключительной прерогативой былички. Сразу оговоримся, что под меморатами мы понимаем форму бытования текста (от первого лица) и не возводим меморат до степени жанра¹⁶. Но есть здесь и рассказы в форме повествования от третьего лица, повествующие о чудесных случаях из жизни знакомых рассказчика, родственников, соседей или о людях, о реальном существовании и судьбе которых он осведомлен («Вот одна сестра моя старшая тоже рассказывала¹⁷...»; «...мне рассказывал старик, он шел в ... церкву и у меня ночевал»¹⁸).

Ярко выраженное личное, «мемуарное» начало легенд-быличек задает тон всему повествованию, сказывается на особенностях их художественной формы. Маниера повествования в стилистическом отношении характеризуется признаками не художественной, а бытовой, разговорной речи. Художественное время легенд-быличек — это «внутреннее»¹⁹, психологическое, субъективное время героя-повествователя. Реальное время событий не на много отстранено от момента их устного воспроизведения. Введение авторского времени делает возможным срывы художественного времени рассказа: переключение внимания с одного объекта повествования на другой, перестановки событий, обилие ненужных деталей «чуда», недоговорки, эмоциональные выпады рассказчика. Как и в быличках о встрече с

мифологическими персонажем, «личность свидетеля, его состояние нередко представлены в драматическом освещении, а сами истории передаются в остро эмоциональной форме»²⁰. В повествование попадают также названия населенных пунктов, имена и фамилии реальных участников событий, чуждые фольклору реалистичные пейзажные зарисовки, портретные и автопортретные характеристики героев (человека и чудесной силы). «Возможность передачи такого рассказа другим лицом малоочевидна, так как детализация соотносена с сугубо личностными переживаниями и обретает смысл только в устах конкретного человека»²¹. В целом художественная сторона легенд-быличек не развита, так как преследуют они не эстетические, а информативные цели

При всем многообразии нарративов о встрече и контакте человека со святой силой большинство их вписывается в известные общерусские, общеславянские и даже мировые сюжетные схемы. В настоящее время сюжеты легенд-«встреч», легенд-«видений», легенд-«обмираний» представляют собой наиболее востребованные в современной устном народном творчестве повествовательные и содержательные структуры выражения и передачи личного религиозного чувства. Подобные рассказы раздвигают границы реальности и позволяют чуду входить в обыденную жизнь, преображая ее, меняя самого человека.

Литература и примечания

1. Это положение С.В. Алпатов считает одним из двух факторов, обусловивших эволюцию всего легендарного повествования. См.: *Алпатов С.В. Эволюционные типы легендарного повествования // Филологические науки. 1996. № 5.*
2. *Азбелев С.Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1975. С. 20.*
3. *Померанцева Э.В. Соотношение эстетической и информативной функций в разных жанрах устной прозы // Проблемы фольклора. М., 1975.*
4. *Соколова В.К. О некоторых типах исторических преданий (к проблеме их жанрового своеобразия) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (Прага, 1968). Доклады советской делегации. М., 1968; Аникин В.П. Художественное творчество в жанрах несказочной прозы (К общей постановке проблемы) // Русский фольклор. Т. 13. Русская народная проза. Л., 1972; Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.*
5. *Никитина С.Е. «Стихи духовные» Г. Федотова и русские духовные стихи // Федотов Г. Русские народные стихи (Народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 140.*
6. *Алпатов С.В. Эволюционные типы легендарного повествования // Филологические науки. 1996, № 5. С. 37.*
7. *Алпатов С.В. Двоеверие как диглоссия (к проблеме жанровой дифференциации устной несказочной прозы) // Филологические науки. 1994. № 4. С. 29.*
8. *Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 57.*
9. *Нижегородские христианские легенды / Сост., вступ. ст., коммент. Ю.М. Шеваренковой. Нижний Новгород, 1998. № 144.*
10. *Архив Императорского Русского Географического общества. Нижегородская коллекция, № 109. С. 56 (оборот).*
11. *Нижегородские христианские легенды, № 169.*

12. Нижегородские христианские легенды, № 210.
13. Нижегородские христианские легенды, № 257.
14. Об этом жанре см.: *Лурье М.Л., Тарабукина А.В.* Странствия души по свету в русских обмираниях // *Живая старина*. 1994, № 2; *Толстой Н.И.* О жанре «обмирания» (посещения того света) // *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
15. Нижегородские христианские легенды, № 174.
16. Хотя такова концепция А.В. Гончаровой и М.П. Чередниковой, для которых термин «меморат» является жанровым обозначением и синонимом к «устному мемуарному рассказу», представляющему собой нарративы о «сверхобычных событиях из жизни народа», но в форме повествования от 1 лица единственного или множественного числа («я» или «мы»). См.: *Чередникова М.П.* Типология повествовательной структуры в мемуарах о Великой Отечественной войне // *Сказка и несказочная проза. Межвузовский сборник научных трудов*. М., 1992; *Гончарова А.В.* Жанровые особенности устных мемуарных рассказов о Великой Отечественной войне // *Русская литература*. 1981, № 1.
17. Нижегородские христианские легенды, № 146.
18. Там же, № 152.
19. *Лихачев Д.С.* Поэтика художественного времени // *Лихачев Д.С.* Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб., 1997. С. 89.
20. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост., вступ. ст. В.П. Зиновьева. Новосибирск, 1978. С. 390.
21. *Чередникова М.П.* Там же. С. 96.